

Харатокова Марьят Губедовна, Хапсирокова Лилия Мухарбиевна, Пхитиков Хаути Мухарбиевич
О ВЗАИМОВЛИЯНИИ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО И АБАЗИНСКОГО ЯЗЫКОВ

В статье рассматривается вопрос о взаимовлиянии кабардино-черкесского языка и ашхарского диалекта абазинского языка. В этой связи изучаются два диалекта в абазинском языке: тапантский и ашхарский, имеющие отличия в фонетике, морфологии и лексике. Авторы дают обоснование тому, что в ашхарском диалекте имеется слой кабардино-черкесских заимствований, присущий только ашхарскому диалекту абазинского языка, не представленный ни в тапантском, ни в абхазском диалектах.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/6-3/47.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 6(72): в 3-х ч. Ч. 3. С. 163-168. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/6-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

для них темы. Если оратор апеллирует к ценностям, то это семья и Родина, важные для слушателей; намечает перспективы развития тех областей, судьба которых волнует каждого избирателя. Дискредитация оппонента также важна для «Podemos» как для оппозиционной партии. Частое обращение к аргументативной и стратегии убеждения позволяет склонить адресата на свою сторону. Представляется перспективным продолжить исследование в направлении анализа дискурса других оппозиционных партий.

Список источников

1. **Бец Ю. В., Корскова В. А.** Коммуникативные стратеги и тактики в современном политическом дискурсе Германии (на примере оппозиционных партий ХДС / ХСС и Левые) // Практики и интерпретации. 2016. Т. 1. № 2. С. 134-152.
2. **Быкова Е. В., Гавра Д. П.** Коммуникативные стратегии в оппозиционном дискурсе // Успехи современной науки и образования. Белгород: Эпицентр, 2016. № 1. С. 122-128.
3. **Калинин К. Е.** Коммуникативные стратегии убеждения в англоязычном политическом дискурсе: автореф. дисс. ... к. филол. н. Нижний Новгород, 2009. 20 с.
4. **Паршина О. Н.** Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: дисс. ... д. филол. н. Саратов, 2005. 325 с.
5. **Современная политическая коммуникация:** учебное пособие / отв. ред. А. П. Чудинов. Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. пед. ун-та, 2009. 292 с.
6. **Хабкирова З. С.** Стратегия дискредитации и приемы ее реализации в политическом дискурсе демократической оппозиции [Электронный ресурс] // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2011. № 2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/strategiya-diskreditatsii-i-priemy-ee-realizatsii-v-politicheskom-diskurse-demokraticheskoy-oppozitsii> (дата обращения: 04.04.2016).
7. **Чудинов А. П.** Политическая лингвистика: учебное пособие. М.: Флинта; Наука, 2006. 254 с.
8. **Шейгал Е. И.** Семиотика политического дискурса: дисс. ... д. филол. н. М., 2009. 434 с.
9. **Iglesias P.** Discurso íntegro de Pablo Iglesias en la Puerta del Sol [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lamarea.com/2015/02/04/discurso-integro-de-pablo-iglesias-en-la-puerta-del-sol/> (дата обращения: 20.02.2016).

STRATEGIES AND TACTICS OF POLITICAL DISCOURSE (BASED ON PUBLIC SPEECHES BY P. IGLESIAS)

Sukhanova Anastasiya Sergeevna

*Voronezh State University
suhnastasia@mail.ru*

The purpose of this article is to consider the implementation of strategies and tactics in the contemporary Spanish political discourse. The examples from the case studies are given. The author highlights the strategies implemented by P. Iglesias, the leader of the opposition party “Podemos”. According to the analysis the paper presents the characteristic of the most frequent speech strategies. The research prospects are in the discourse analysis of other opposition parties.

Key words and phrases: political discourse; strategies; tactics; public statements; genres of political discourse.

УДК 811.35

В статье рассматривается вопрос о взаимовлиянии кабардино-черкесского языка и ашхарского диалекта абазинского языка. В этой связи изучаются два диалекта в абазинском языке: тапантский и ашхарский, имеющие отличия в фонетике, морфологии и лексике. Авторы дают обоснование тому, что в ашхарском диалекте имеется слой кабардино-черкесских заимствований, присущий только ашхарскому диалекту абазинского языка, не представленный ни в тапантском, ни в абхазском диалектах.

Ключевые слова и фразы: кабардино-черкесский язык; ашхарский диалект; тапантский диалект; абазинский язык; семантика; морфология.

Харатокова Марьят Губедовна, д. филол. н., доцент

*Северо-Кавказская государственная гуманитарно-технологическая академия, г. Черкесск
mariatharatokova@yandex.ru*

Хапсиорова Лилия Мухарбиевна

*Карачаево-Черкесский государственный университет имени Умара Алиева, г. Карачаевск
danka280212@gmail.ru*

Пхитиков Хаути Мухарбиевич

*Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х. М. Бербекова, г. Нальчик
hauti.pxitikov@yandex.ru*

О ВЗАИМОВЛИЯНИИ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО И АБАЗИНСКОГО ЯЗЫКОВ

Абазины, абхазы, адыгейцы, кабардинцы, черкесы на Северо-Западном Кавказе живут уже с глубокой древности, но названия этих народов и племен мы находим по-разному в разные периоды истории. Предками

этих народов, как упоминают в своих работах ученые Л. И. Лавров (1946), А. Н. Генко (1928), М. Х. Кишмахов (2009), были косоги, зихи, черкезы, черкисы (адыгейцы, кабардинцы, черкесы), ашуа, апсуа, афгазы, абазы, абадзе, абасги, абазги, абасы, обезы. «Русские летописи под “обезами” имели в виду именно абазин, а не абхазов» [6, с. 40]. Во многих странах мира абазин живут под названием «черкесы». Л. И. Лавров пишет, что «значительная часть черкесских племен (а именно: шапсуги, натхуаджи, абазехи, гуае, жаны, бжедуги и махоши) долгое время среди самих же черкесов не признавалась черкесскими, а именовалась абазинами» [Там же, с. 36]. Одно из названий племен адыгейцев-шапсуги мы встречаем в имени египетской царицы Хатшепсут [8, с. 294], правившей после смерти мужа Тутмоса II приблизительно около 1500 года до н.э., которое можно рассмотреть как сложное слово, состоящее из *хат* – из племени хаттов – и *шепсут(ε)* – название племени, живущего сегодня в Адыгейской республике. Здесь надо заметить, что большая часть племени хаттов, видимо, является сегодняшними абхазами, абазинами, адыгами (адыгейцами, кабардинцами, черкесами), у которых встречаем различные диалекты, в том числе и шепсугский, апсуанский, ашуа, о которых мы упоминаем в данной статье ниже. Достаточно также посмотреть на название древних городов и правителей Ассирии, названия которых ассоциируются с названием главного диалекта абазинского языка «ашуа» (дословный перевод – «люди Аш»): Ашшур (столица), Ашдод (город), Ашкелон (город), Ашшур-убаллит (правитель), Ашурдан III (правитель – 771-754 годы до н.э.), Ашшур-нирари V (правитель – 753-746 годы до н.э.), Ашшурбанапал (правитель – 668-626 годы до н.э.), Ашшур-этиллиани (правитель). Некоторые названия древних городов можно сопоставить с нынешними фамилиями абазин диалекта шкарауа, более близкого к абхазскому языку, например: город Ниппур (фамилия Ниппа), город Экабана (фамилия Экаба). Также надо отметить, что почти все цари близкородственных государств, Митанни, Ассирии, Хеттского государства, Египта имели близкие родственные связи [Там же, с. 311], то есть то, что мы сегодня наблюдаем у народов, рассматриваемых нами в данной статье. Существует много доказательств близкого родства этих народов, например: 1) чтение клинописных текстов и на кабардино-черкесском языке, и на абазинском языке, и на абхазском языке, и на исчезнувшем убыхском языке; 2) отсутствие серьезных доказательств каких-либо значительных перемен в этническом составе Северо-Западного Кавказа; 3) анализ исторического фольклора абазин, абхазов, адыгейцев и кабардинцев; 4) лингвистический анализ географических и этнических названий, существовавших на Северо-Западном Кавказе в античное время и в Средние века.

Абазинский язык – один из древнейших языков мира, он близок к абхазскому, но в нем содержится значительное количество элементов кабардино-черкесского языка. Абазинский язык содержит 72 звука и является самым сложным в Европе и одним из самых сложных в мире. В течение XIV-XVI вв. предки современных абазин переселились на Северный Кавказ с Черноморского побережья. Изучая историю абазинского народа до XX в., мы ясно видим постоянное уменьшение численности этого некогда большого и сильного кавказского народа.

Взаимовлияние абазинского и кабардино-черкесского языков имеет давнюю историю. Они во все времена, как и в настоящее время, жили соседями, соблюдая одинаковые обычаи и традиции.

Ниже приведем пример общего для этих двух народов слова «хIвахIв» – произнесения тостов в адрес виновников торжества. Во время «хохов» народ пытался говорить, используя высокий стиль речи, вынося наружу самое высокое и чистое в помыслах, т.е. сокровенно-ментальное, то, что не могли показать каждому. Хотя «хох» – это искусство красноречия народа, но не у каждого человека был такой талант. Некоторые тщательно готовятся к нему, у других природный дар речи. При выступлении с речью надо стараться запомнить и держать в памяти особенные, неповторимые обороты речи, учитывать то, что было сказано предыдущими ораторами для того, чтобы не повторяться. Говорить надо так, чтобы никого из присутствующих не обидеть, говорить то, что дозволено, не опережать события, не перебивать старших, другими словами, не нарушать этикет праздничного стола. Надо заметить, что при произнесении абазинских и кабардинских тостов («хохов») слова «зажигают» сердца, затрагивая тонкие «нити» души, не оставляя равнодушными никого из присутствующих. А очень часто тосты сопровождаются стихами и песнями. «Хохи», конечно же, слова для мужчин, но в современное время их произносят, наряду с мужчинами, женщины-абазинки и женщины-адыги (черкесы, кабардинцы, адыгейцы). После слов выступавшего присутствовавшие благодарили его за то, что не уронил их честь, высказал то, что было у них на душе. У абазин есть пословица: «Ухъвыцта – учважва» («Подумай – потом говори»). Поэтому они особо уважали тех, кто «зажва царата йызтахъу ззыIвуз» («имел красноречие и говорил метко, к месту и времени»).

Заметную роль в системе воспитания адыго-абазинского сознания играли слова-внушения (суггестии), «услышанные в хохах», через которые открывались новые истины и просторы бытия.

Упомянув обычаи абазин и адыгов, нельзя, конечно же, игнорировать и обычаи близкородственного им (а в первую очередь абазинам) народа – абхазов, с которыми издавна абазинки и адыги жили по-соседству, а сегодня пытаются составить единый алфавит. Абхазы за столом строго следят за собой и соседями: соблюдают ли все сидящие «Апсуара» («абхазство»). В этом обычае слились все лучшие аристократические черты поведения и мышления народа, через которые они показывают меру своей цивилизованности, открытости всему миру, а также таким образом народ защищает свое национальное лицо, индивидуальную неповторимость, чтобы не раствориться и не исчезнуть среди миллионов других народов.

В современных «хохах» (тостах) учитываются те изменения, которые произошли за последние годы: свобода воли молодых, европеизация, но тем не менее каждый представитель абазин и адыгов всегда держится за «хабзе» (обычай), старается не забыть этот золотой запас, выстроенный веками их предками, древнейшими народами земли. Ведь еще античные источники упоминают об абазгах (абазы, абазинки) и черкесах (серкете). Геродот (V в. до н. э.) – один из крупнейших древнегреческих историков – в «Карте древнего

мира», приложенной к его четвертой книге «Истории», наряду с другими народами и племенами, населявшими северо-западное побережье Черного моря (синди, зихи, хениохи, колхи), называет народ абазги и серкете.

Можно привести бесчисленное множество примеров о близкородственных отношениях этих двух народов. Скрытые качества приписывают конкретно данным народам. Так, «асльан» (львица) – это символ неподступности, мощи, голубка – грациозности, хлопок – символ мягкости, звезды – символ четкости, чистоты, но абазины и адыги прекрасное находили не только во внешности, но и в деяниях. К примеру, молодая невестка должна была быть чистоплотной, хорошо шить, хорошо готовить, не любить много спать, должна быть стройной, не худой и не толстой. Самой красивой считалась та, у которой было белое лицо, черные волосы и голубые глаза.

Процесс контактирования абазинского и кабардино-черкесского языков является многоаспектным и сложным процессом, он имеет свои социальные причины. Контактное взаимодействие этих близкородственных языков происходило в течение всего существования этих народов, хотя в разные периоды истории названия народов менялись, но языки практически оставались первоначальными. Клинописные тексты (2,5-3 тыс. лет до н.э.) читаются и на абазинском (в том числе, и на близкородственном абазинскому языку – абхазском языке) и на кабардино-черкесском языках: «1. I-zu ui-s-ma it ta-si ya-l ha-ra-mi-scha – Изу 1усмэ ит Таси ял1 хьэрамищэ (каб.-черк.). / Изу уыси ма илтази уал х1ара мшы (абаз.). / Какое твое дело, если мама дала долг? (рус.).

2. Ni-ta-n-schi-ni-na-t-bi-a-i-su-ue – Ни Танщи Нинат биа ишу Уе (каб.-черк.). / Ни данщан Натби ашуа (ашуе) (абаз.). / Ни – брат матери, Натби – ашуец (рус.) и т.д.» [10, с. 78].

В книге канадского и американского изобретателя, хорошо известного своими работами на ранних этапах развития радио, наследие которого включает три значительных достижения: передача звука по радио, первая двухсторонняя трансатлантическая радиосвязь, первая трансляция по радио развлечений и музыки, Реджинальда Обри Фессендена «Затопленная цивилизация Кавказского перешейка» (1923) в переводе с английского языка на русский язык М. Г. Харатоковой и Х. М. Пхитикова мы находим большой материал о народах, живших на Кавказе в допотопное время (XII-IX тыс. до н.э.). Приведем некоторые высказывания из книги: «...хотя слово “Абур” первоначально подразумевало ту часть жителей Ура, которая поселилась в средней и восточной долине Кавказа, оно скоро стало использоваться относительно всех поселенцев, включая и тех, которые находились и на Элизоне (Алапс, Халибс), и на южных склонах Апшерона (Апсур, Ашур, Ерес ахер, Арзар, Азир), а целый район был назван Абурон (Иберия)» [9, с. 48]. Апсур – это сегодняшние «апсуа», а Ашур-ашуа (букв. «люди Аш»), абазины – один из диалектов абазинского языка, который и по сегодняшний день не потерял свое название «ашуа».

«Тех, которые живут на востоке Тур-Тура или Алонта, т.е. на существующем полуострове Апшерон, Ашурон или Алазон, назвали Апсур (Aps-ur, сейчас есть страна Апсны – Абхазия и народ апсуа), Ашур (Ash-ur, была страна Ашуа и люди ашуа – люди Аш) или Алупис (Al-ups) <...> Слово Аш (Ash) первоначально означало “вверх из”, и затем “восток”, так как это было местом, откуда всходило солнце. Позже оно означало древесину, особый вид белого тополя, который рос в долине Ахерона. “Апс” (Aps) означало – “восток”» [Там же, с. 44].

Выдержки из других глав книги: Вавилон. Имена богов в Вавилонской легенде Созидания, т.е. Лакаму, Лакму, Кингу, Аншар, Ан, Мардур, Гага, – названия наиболее известных гор Кавказского хребта. Кроме того их характеристики совпадают с богами. Например, Кингу – самое великое, Аншар следующее, затем Ан; а Мардук находится рядом с Аншар; а Гага – это гора поменьше, между Мардуком и Терекком. Апсу достигал вершины хребта [Там же, с. 192]. Здесь надо заметить, что слово «Аншар» с абазинского переводится как «Созидатель», «Ан» переводится как «Мать», «Мара ду» – «Большое солнце» и т.д.

Кроме того, в версии Гильгамеша есть некоторые доказательства того, что «гора в Шамаше и проход в Мараше, которые вместе создают грубый обзор, напоминающий Стоунхендж, исключая естественный проход, и то, где проходит нулевой меридиан долготы, является местом Мар-ту, а там, где находится Шамаш, там всходит солнце и там Ной построил ковчег. Если это так, то Гильгамеш, возможно, пришел из соседнего района – озера Урмия – для того, чтобы нанести визит» [Там же, с. 88]. Заметим, что Мар-ту (Мара ату (талхИт)) с абазинского языка переводится «заход солнца», а Шамаш (Ишамаш) – «восход солнца». Итак, можно приводить многочисленные примеры переводов с абазинского и кабардино-черкесского языков названий мест (топонимов) и названий народов и племен, населявших Кавказский перешеек в допотопное время и после.

В абазинском языке различаются два диалекта: тапантский и ашхарский, имеющие различия в фонетике, морфологии и лексике. По данной теме имеется несколько работ современных кавказоведов.

В работе «Ашхарский диалект и его место среди других абхазско-абазинских диалектов» К. В. Ломтадзе (1954) отмечает, что «ашхарский диалект ближе к абхазскому диалекту, этому послужило то, что на современную территорию представители ашхарского диалекта переселились с южных берегов Кавказского хребта на территорию современной Карачаево-Черкесии, на которой уже жили представители некоторых племен адыгского языка, намного позже (XVI-XVII вв. н.э.), чем абазины-тапанта (XIII-XIV вв. н.э.), и поэтому тапантский диалект подвергся более значительному влиянию адыгского языка» [7, с. 12].

Вопросам контактирования абазинского, абхазского и кабардино-черкесского языков посвящены работы В. Х. Конджария (1976) и С. А. Амичба (1969). В. Х. Конджария рассматривает словарный состав диалектов абазинского языка в сопоставлении с лексикой абжуйского и бзыбского диалектов абхазского языка [5, с. 54]. С. А. Амичба (1969) исследует некоторые особенности речи английских абазин и абхазов [2, с. 357].

В статье С. Х. Ионовой (1982) «Кабардино-черкесские лексические заимствования в абазинском языке» рассматривается проблема заимствования двух языков и дается «тематическая классификация кабардино-черкесских заимствований» [7, с. 44].

В монографии М. Г. Харатоковой (2015) «Социолингвистические основы заимствования в абазинском языке» выявлены «особенности кабардино-черкесских заимствований в абазинском языке» [14, с. 145].

При рассмотрении вопроса о взаимовлиянии абазинского и кабардино-черкесского языков надо, безусловно, отметить и множество общих фамилий и имен. Приведем несколько примеров: Туговы, Малхозовы, Дакоховы, Коковы, Каповы, Хатковы, Баловы, Шебзуховы, Озовы, Джегутановы, Камовы, Кишевы, Лоовы, Туковы; Амир, Амин, Анзор, Аби, Баблина, Бата, Бетал, Биба, Дарихан, Даут, Дина, Джумалядин, Дулат, Залим, Зара, Зина, Имран, Инар, Кама, Куна, Лина, Люба, Люся, Мадина, Зарема, Мара, Марьям, Малик, Малика, Маша, Муса, Наима, Назир, Натби, Нану, Нури, Паго, Сара, Сани, Сима, Тима, Мухамед, Фатима, Фариза, Айшат, Фуна, Газиз, Шура и др.

Во второй половине XIX века происходили процессы ассимиляции той части абазинского народа, которая была расселена по несколько семей в различные национальные аулы – кабардинские, адыгейские и др.

С 1924 по 1932 годы обучение во всех школах абазинских аулов велось на черкесском языке; абазинский язык не преподавался как предмет. И такие примеры по взаимовлиянию этих двух языков можно приводить бесконечно, начиная с древнейших времен, настолько тесно они взаимосвязаны. Сегодня в Карачаево-Черкесии можно найти много смешанных семей: отец – абазин, а мать – черкешенка – или наоборот, когда мать – абазинка, отец – черкес. Представителей абазинского народа во многих странах называют черкесами, а иногда абхазами, хотя это отдельный народ со своим языком. Есть мнение некоторых ученых об их принадлежности к баскам, народу, живущему на Пиренейском полуострове в Испании, и к пеласгам, одному из древнейших народов Греции. Но это предмет наших дальнейших исследований.

В процессе этнокультурных связей абазин и адыгов (черкесов, кабардинцев, адыгейцев) у них появилось общее и в пище, основу которой составляли продукты растительного происхождения. Издавна в абазинской и адыгейской пище главную роль играли кукуруза и пшено, из которой они пекли лепешки – хIатыкъ, мгял, хIампIал. Из просеянной муки делали бузу (бахсыма), хмельной напиток приятный на вкус. С древних времен абазины и адыги занимались пчеловодством, из меда делали различные сладкие кушанья, например, халву – халыуэ (каб.-черк.) – хIалъыуа (абаз.). Адыги и абазины одинаково готовили суп из пшеничной муки, который абазины называют «хъвыдзца», а адыги «хъэнтхъупс» – «пшенный суп».

Общее мы находим и в женской одежде, которая состоит из следующих частей: шапочка из алого сукна или бархата, без меха, которую носили только девицы и молодые женщины; шхац хехгаш – длинная узкая материя желательно белого цвета; кафтан с застежками из серебра с позолотой; кафтан без ваты, называемый «сай»; рубашка из шелковой или другой ткани; просторные шаровары из полосатой ткани; нарукавники из бархата алого цвета; шубы из разных мехов, покрытые парчой или шелковой материей; обувь, состоящая из башмаков, обшитых серебром и золотом; пояс из красного сафьяна с серебряной и позолоченной пряжкой; корсеты, которые носят только девицы с малолетства до замужества.

Мужская одежда состоит из следующих общих элементов: ций – главный кафтан из сукна; кептан – второй кафтан из шелка; сай – летний кафтан без ваты; рубаха из полотна или белой ткани; шаровары суконные с лампасами из серебряных галунов, под которыми носят портица из белой ткани; ноговицы и наколенники, которые шьют из сукна и обкладывают концы серебряным галуном; обувь состоит из башмаков, похожих на чулки, зимой носят суконные чулки; шубы и полушубки из меха куньи, волчьей, лисьей; шапки из овчины с кудрями и покрытые сукном; ременный пояс с серебряными и позолоченными пряжками и пуговками; бурка из косматых черных войлоков; башлык из сукна надевают от дождя сверх шапки, которые также защищают наездника от вьюг и непогод, заменяют ему жилище.

Обряд у постели больного – у абазин «дадрыпщ» или «чIапшара», у кабардинцев и черкесов «чIапш» – заключался в том, что у постели больного устраивались дежурства и гуляния, в которых принимала участие молодежь в том числе и из соседних аулов.

По преданиям, смерть младенца (новорожденного) абазины и адыги приписывали колдуну – «уыд» (по-абазински), «уд» (по каб.-черк.). В роли «уыд» могли быть только женщины, а иногда «уыд» принимал образ кошки.

Этнокультурные связи абазин и адыгов отразились и в фольклоре. Старинный обычай, по которому в зимнее время на вечеринках распевали песни юмористического содержания, обычно пели в сопровождении инструмента, пользующегося большой популярностью у абазин и адыгов – «пхарчIакъ» (у абазин), «пхачач» (у адыгов). В данном случае абазинское къ заменяется на кабардино-черкесское ч.

У абазин и адыгов было одинаковое название большой семьи: «унагIваж» (букв. «старая семья»), у адыгов – «унэгожь» («старая семья»). Квартал, заселенный однофамильцами, у абазин называется «хIабль», у адыгов «хIабль» – «патронимический квартал».

Среди женщин в доме у абазин старшей всегда была свекровь – «акважва» (буквально «госпожа»), у адыгов – «гуаше» (также «госпожа»). Буквосочетание *кв* в абазинском языке заменяется на букву *г* в кабардино-черкесском языке, *жсв* в абазинском заменяется на *ш* в кабардино-черкесском языке.

Каб.-черк. «кIэлэгъуне» (по-абазински «кIьялягIвына») имеет также одинаковое значение в двух языках, что по смысловому значению означало, что данная постройка была последней в той части помещения, где она расположена.

Каб.-черк. «сабэ», адыгейс. «сапэ» – «пыль»; по-абазински «саба» – «пыль», по-абхазски «асаба» имеет то же значение, т.е. «пыль» [16, т. 2, с. 37].

Отметим, что большое количество древних этнических терминов Северо-Западного Кавказа в той или иной форме сохранилось до наших дней в качестве абазино-абхазо-черкесских этнических названий: «керкеты»

как «черкесы», название древнего племени «зихов» существовало у грузин в форме «джихи» для обозначения абазин, а в форме «азыгъа» у адыгейцев обозначает абхазов, название древнего племени апсиллов сохранилось как «апсуа», а название абазгов как «абаза». Некоторые ученые полагали, что «адыге», сегодняшнее название адыгейцев, кабардинцев и черкесов, восходит (через «адзыге») к термину «зихи» [6, с. 79].

Взаимовлияние кабардино-черкесского и абазинского-абхазского языков восходит к периоду кабардино-черкесско-абхазско-абазинского языкового единства. Свидетельством тому служит лексика кабардино-черкесского языка в абхазском и абазинском языках, выявленная в данной работе.

В ашхарском и абхазском диалектах имеются элементы из кабардино-черкесского языка, отсутствующие в тапантском диалекте абазинского языка:

Каб.-черк. – ІэштҠым – «кулак (руки)», ашх. ачатҠым, абх. атачкуым [15, с. 430].

Каб.-черк. бзаджэ – «злой», ашх. бзагъа – «злой», абх. абзагъа – «баловник» [Там же, с. 408].

Каб.-черк. гуыІэн – «сильно беспокоиться», ашх. гвакъра – «беспокоиться», абх. агуакъра – «беспокоиться» [Там же, с. 410].

Каб.-черк. фыгъуэн – «завидовать», ашх. афыгъвара – «завидовать» [Там же, с. 424].

Каб.-черк. щыкҠын – «заснаваться», ашх. ашвыкҠыра – «заснаваться». Абруптивная аффриката кІ в абазинском языке дает палатализованный абруптивный спираント кҠь [Там же, с. 426].

Каб.-черк. гуашІэ – «крепкий (о чае, напитках)», «кислый (о фруктах)»; ашх. гвашІа. Кабардино-черкесскому спиранту щІ соответствует в ашхарском диалекте аффриката шІ [Там же, с. 410].

Каб.-черк. гузэсэн, – «горевать», ашх. гвдзасара – «горевать». Кабардино-черкесский спиранто з передает в ашхарском диалекте абазинского языка звонкую аффрикату дз [Там же, с. 411].

Каб.-черк. набгэ – «злой», ашх. набгъа / абгъа – «злой». Лексему расчленяют на йэ – «зло» и бгэ. Второй компонент А. К. Шагилов [Там же, с. 417] разъясняет как основу глагола бгэн – «проклинать».

Каб.-черк. къакъыр – «хлев», «навес», ашх. къакъыра – «хлев». Лексема усвоена адыгами из тюркских языков [Там же, с. 416].

Каб.-черк. къуагъ / къуаргъ – «ворона», ашх. къврагІ – «ворона». В форме ашхарского диалекта произошла перестановка звуков. Адыгский абруптив къ замещен ларингальным гІ [Там же].

Каб.-черк. уащхъа / Іуа-щхъ – «курган», ашх. къвашвхІа / къвасвхІа – «курган». Лексема расчленяется на Іуэ и щхъ – «голова», «верх». Адыгскому ларингальному Іу в ашхарском диалекте абазинского языка отвечает фарингальный къв [Там же, с. 423].

Каб.-черк. телъафэ – «борода», ашх. тетлафа – «борода». В кабардино-черкесском расчленяется на локальный переверб *те-* и корневой элемент *лъэф*. Последний, в свою очередь, разбивается на *лъэ* и *ф* [Там же, с. 420].

Каб.-черк. тхэмышкІ – «бедный», ашх. тхІамышкІа – «бедный». А. К. Шагилов [Там же] предполагает, что в кабардино-черкесском тхэ-мышкІэ состоит из тхэ – «бог», «божий» – и мышкІэ, восходящего к арабскому *miskin* – «бедный».

Каб.-черк. Хэлывэ – «жаренные пирожки треугольной формы, начиненные творогом». Первый компонент – хэ – «ячмень», второй – вэІжъуІэ – «варить», ашх. хІалыжва – «вареники» [Там же, с. 422].

Каб.-черк. кхуэщын – «кувшин», ашх. хъвашын – «кувшин» (возможно, из русского). В ашхарский диалект проникло через кабардино-черкесский язык. Звуковой комплекс *ку* в русском языке, вероятно, перешел в лабиализованный согласный *кху* [Там же, с. 418].

Каб.-черк. щІапІэ – «приусадебный участок» – членится на щІа (исходная форма щІы – «почва») и пІэ – «место», ашх. шІапІэ – «приусадебный участок». Адыгскому спиранту щІ соответствует абазинская аффриката шІ [Там же, с. 425].

Каб.-черк. термин «унагъэ» состоит из двух элементов: «унэ» («дом») и «гъуэ» («место, гнездо»). То же самое мы замечаем и у абхазов: термин «унэ» является однокоренным с абхазским «аюне», переводится как «дом, жилище».

Каб.-черк. бзэмышу – «не знающий языка окружающих» [3, с. 94], абх. абзамыкью – «чудаковатый» [1, с. 23].

Анализ данного материала показывает, что в ашхарском диалекте имеется и слой кабардино-черкесских заимствований, присущий только ашхарскому диалекту абазинского языка и не представленный ни в тапантском, ни в абхазском диалектах. Этот слой лексем мог заимствоваться ашхарцами после переселения на Северный Кавказ при непосредственном контактировании с носителями кабардино-черкесского языка близлежащих селений.

Список источников

1. **Абазинско-русский словарь (АРС)** / под ред. В. Б. Тугова. М.: Из-во «Советская энциклопедия», 1967. 536 с.
2. **Амицба С. А.** О некоторых особенностях речи английских абхазов // Культурная диаспора народов Кавказа: генезис, проблемы и изучения. Черкесск: КЧНИИИФЭ, 1969. С. 352-357.
3. **Апажев М. Л., Коков Дж. Н.** Кабардино-черкесско-русский словарь. Нальчик: Эльбрус, 2008. 704 с.
4. **Ионова С. Х.** Лексические связи абазинского языка с кабардино-черкесским: дисс. ... к. филол. н. Дагестан: Филиал ордена «Знак почта» Институт истории, языка и литературы им. Г. Цадасы. Махачкала, 1982. 126 с.
5. **Конджария В. Х.** Очерки по абхазско-абазинской лексеме (на абхазском языке). Тбилиси: Мерани, 1976. 81 с.
6. **Лавров Л. И.** Избранные труды по культуре абазин, адыгов, карачаевцев, балкарцев. Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», 1946. 556 с.

7. Ломтатидзе К. В. Ашхарский диалект и его место среди других абхазо-абазинских диалектов. Тбилиси: Мерани, 1954. 68 с.
8. Сьюзен Уайс Бауэр. История древнего мира / пер. с англ. В. Гончарова, Н. Тартаковской. М.: АСТ, 2016. 988 с.
9. Фессенден Р. О. Затопленная цивилизация Кавказского перешейка / пер. с англ. М. Г. Харатокова, Х. М. Пхитиков-Инароков. Нальчик: Принт Центр, 2017. 196 с.
10. Хапсирокова Л. М. К проблеме развития одного из малочисленных языков Карачаево-Черкесии на современном этапе // Государственные языки республик Северного Кавказа: вчера и сегодня: материалы региональной научно-практической конференции. Нальчик: КБГУ, 2016. С. 77-82.
11. Харатокова М. Г. Кабардино-черкесские заимствования в абазинском языке. Черкесск: СевКавГГТА, 2011. 109 с.
12. Харатокова М. Г. Русско-абазинско-английский словарь. Черкесск: СевКавГГТА, 2011. 292 с.
13. Харатокова М. Г. Словарь англоязычных заимствований в абазинском языке. Черкесск: СевКавГГТА, 2011. 159 с.
14. Харатокова М. Г., Габунни З. М., Пхитиков Х. М. Социоллингвистические основы заимствования в абазинском языке. Саарбрюккен, Германия: LAMBERT, 2015. 337 с.
15. Шагинов А. К. Основные вопросы синхронного и сравнительно-исторического анализа лексем адыгских языков: дисс. ... д. филол. н. М., 1971. 481 с.
16. Шагинов А. К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков: в 2-х т. М.: Наука, 1997. Т. II. П-I. 224 с.
17. Шوماхова Т. М., Пхитиков Х. М. Хатты в древних языках и культурах. М.: ООО «Буки Веди», 2015. 475 с.

ON MUTUAL INFLUENCE OF KABARDINO-CIRCASSIAN AND ABAZA LANGUAGES

Kharatokova Mar'yat Gubedovna, Doctor in Philology, Associate Professor
North Caucasian State Humanitarian Technological Academy, Cherkessk
mariatharatokova@yandex.ru

Khapsirokova Liliya Mukharbievna
Karachay-Circassian State University named after U. D. Aliev, Karachaevsk
danka280212@gmail.ru

Pkhitikov Khauti Mukharbievich
Kabardino-Balkarian State University named after X. M. Berbekov, Nalchik
xauti.pxitikov@yandex.ru

The article considers the mutual influence of the Kabardino-Circassian language and the Ashkherewa dialect of the Abaza language. In this connection the paper analyzes two Abaza dialects – Tapanta and Ashkherewa – which have phonetic, morphological and lexical differences. The authors argue that the Ashkherewa dialect has a stratum of Kabardino-Circassian borrowings typical only for the Ashkherewa dialect of the Abaza language and represented neither in the Tapanta no in the Abkhazian dialect.

Key words and phrases: the Kabardino-Circassian language; the Ashkherewa dialect; the Tapanta dialect; the Abaza language; semantics; morphology.

УДК 81'373.46

Статья посвящена семантическому моделированию терминов изобразительного искусства. Изучение семантики термина помогает наиболее подробно раскрыть закономерности терминодеривации, понять, в какой коммуникативной ситуации применим тот или иной термин. В рамках семантического моделирования выделяются такие компоненты семантики термина, как: ядро, периферия и вспомогательная область. Наряду с семантическими моделями рассмотрены семантические оппозиции, реализующиеся в терминах изобразительного искусства, которые раскрывают значение термина с точки зрения парадигматических отношений между ними.

Ключевые слова и фразы: термин; терминологическая лексика; семантическое моделирование; семантическая оппозиция; ядро; периферия.

Хасанова Зарета Салиховна
Департамент дошкольного образования Мэриш г. Грозного
khasanova_zareta@mail.ru

Хакиева Залиха Усмановна, к. филол. н.
Чеченский государственный педагогический университет, г. Грозный
Zalikhha_khakieva@mail.ru

СЕМАНТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОППОЗИЦИИ, РЕАЛИЗУЮЩИЕСЯ В КОРПУСЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ТЕРМИНОВ СФЕРЫ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА

Как известно, термин является своего рода выразителем научного знания, которое, в свою очередь, неразрывно связано с семантической структурой термина [8, с. 17]. З. И. Комарова отмечает: «Семантика термина